

лю сложно сообразить, что на них изображено. Хотелось бы, чтобы учебник имел и твердую обложку (ведь пользоваться книгой будет, судя по всему, не одно поколение школьников).

Далее, история складывается, как мы помним, из действий людей, определенных личностей. А вот их-то мы в тексте практически не видим. Возможно, в последующих изданиях следует насытить книгу хотя бы мимолетными портретами людей, сыгравших значительную роль в истории коми народа.

Надо упомянуть и об иных слабых сторонах пособия. К ним следует отнести нередко непростой, трудный, сугубо «научный» язык, которым написаны некоторые разделы. Часто текст «пересыпан» цитатами из документов, что делает его сложным для восприятия школьников (тем более учащихся 6–7 классов).

Наконец, на наш взгляд, излишнее внимание уделено авторами «общему фону» (особенно это заметно в иллюстративном материале), течению собственно российской истории. Конечно, история коми народа неотделима от становления и развития русской государственности. Но об основных вехах этого процесса школьники узнают на уроках и из учебников «Истории России».

Наверное, многих ошибок можно было избежать, если бы к подготовке издания были привлечены ученые из вузов республики, имеющие богатый опыт преподавания коми истории. Возможно, имело смысл широко обсудить текст с участием педагогов вузов и общеобразовательных школ, родителей учащихся, общественности. И результаты этого обсуждения учесть при окончательной доработке книги.

Но, несмотря на некоторые присущие изданию погрешности, можно быть уверенными в том, что книга займет достойное место в ряду учебных пособий по истории коми. Вне всякого сомнения, она найдет полезное применение в учебном процессе не только в средней школе, но и в техникумах и вузах. Впрочем, она любопытна и полезна не только для учащихся и педагогов, ученых-историков, но для широкого круга людей, любящих родной край, желающих знать его историю.

В заключение хотелось бы повторить: выход в свет нового учебника – это событие немалого значения в культурной и общественной жизни Республики Коми. Конечно, ученым и педагогам республики нельзя останавливаться

на достигнутом. Важно подготовить учебное пособие по истории региона и по незатронутому в данном издании хронологическому периоду: с начала XVII в. до наших дней. Ждет своей очереди и вузовский учебник по коми истории.

Литература

1. Концепции преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. – URL: https://instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf (дата обращения: 17.01.23).
2. Рогачев, М.Б. История Республики Коми. 7–11 кл.: учебник для общеобразовательных учебных заведений / М.Б. Рогачев, И.О. Васкул, И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, О.И. Уляшев. – Москва: ДИК, 2000. – 448 с.
3. Жеребцов, И.Л. История Республики Коми: научно-популярные очерки / И.Л. Жеребцов, Э.А. Савельева, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. – 286 с.
4. Жеребцов, И.Л. Историческая хроника Республики Коми / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, М.Б. Рогачев, Б.Р. Колегов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2002. – 344 с.
5. Жеребцов, И.Л. Коми край. Очерки о десяти веках истории / И.Л. Жеребцов, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2003. – 368 с.
6. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1 / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 560 с.; Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 704 с.
7. Республика Коми: Энциклопедия / гл. ред. М.П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. – Т. 1. 472 с.; / гл. ред. М.П. Рощевский. 1999. – Т. 2. – 576 с.; 2000. – Т. 3. – 400 с.

*О.В. Золотарев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.) / отв. ред. В.В. Подмаскин. – Владивосток: ООО «Дальнаука», 2021. – 376 с.

History and culture of Uilta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (the XIX–XXI centuries) / Responsible Editor V.V. Podmaskin. – Vladivostok: Dalnauka, 2021. – 376 p.

В Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии Наук (далее – ИИАЭ ДВО РАН) в 2021 г. под руководством ответственного редактора, профессора, д.и.н. В.В. Подмаскина опубликована книга по истории и культуре ороков Сахалина. Следует особо отметить, что

книга написана по полевым материалам российских этнографов с применением архивных источников и опубликованной литературы. Список использованной литературы, озаглавленный «Библиография», включает 430 публикаций на русском языке и 41 – на английском [1]. Такого количества использованной литературы не имеется ни в одной

из коллективных книг малочисленных этносов Дальнего Востока, выпущенных ИИАЭ ДВО РАН в 1987–2021 гг. Поэтому внушительный библиографический список «Истории и культуры уйльта (ороков) Сахалина» вселяет надежду, что читатель из содержания этой книги не только познает историю и культуру ороков Сахалина, но и найдет ответы на ряд вопросов, касающихся нерешенной проблемы этногенеза и этнонимии этноса.

В подготовке разделов книги приняли участие ученые из Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и этнолог из Республики Молдова В.Д. Косарев. В книге обозначен круг проблем, связанный с происхождением ороков, рассмотрены многочисленные топонимы и этнонимы (В.В. Подмаскин и Р.В. Гвоздев), представлено описание традиционного хозяйства и материальной культуры (Т.П. Роон и М.М. Прокофьев). Проблемам природопользования ороков особое внимание уделяет В.Д. Косарев. Разделы по духовной культуре написаны С.В. Березницким, Т.Ю. Сем, Е.В. Фадеевой, Н.А. Мамчевой, В.И. Прокопенко и Л.В. Озолина. В заключении ответственным редактором дана оценка социально-экономических и культурных преобразований в советский и постсоветский периоды. Почти все разделы книги подготовлены на высоком научном уровне.

Однако наряду с позитивными сторонами имеется ряд недостатков. В книге четко просматривается, что все авторы ороков называют этнонимом *уйльта*. Но это название большинство ороков не признают и сами себя называют этнонимом *уйлта*, полученным от своих далеких предков. Их мнение разделяют доктора наук филологи из Санкт-Петербурга А.А. Бурыкин и А.М. Певнов, автор настоящей рецензии (этнограф) и др. На взгляд рецензента, в коллективной книге в первую очередь должны быть разрешены все спорные вопросы. Однако на практике сложнейшая проблема по этнонимии ороков не только не получила разъяснения, но была полностью проигнорирована, хотя эта проблема, возникшая еще в годы исследований Л.И. Шренка, не решена и в наше время.

Со второй половины XIX в. у ороков, кроме экзонима *орочены*, фиксировалось только одно самоназвание – *ольча*. В 1883 г. И.С. Поляков у ороков Сахалина выявляет этноним *ульча*. Его сообщение об этом было настолько неожиданным для Л.И. Шренка, что тот решил, что И.С. Поляков ошибочно записал слово «ульча» вместо «ольча», или эту ошибку допустило издательство при наборе текста (У Л.И. Шренка были основания сомневаться на счет ошибки, допущенной издательством в опубликованной статье И.С. Полякова. В 1868 г. вышел исторический отчет Ф.Б. Шмидта, в котором на титульном листе фигурировала фамилия Ф.Б. Шмит. В этой фамилии была пропущена буква «д»). По этой причине Л.И. Шренк не отреагировал на появление нового этнонима в форме «ульча», хотя и был знаком с соответствующей работой И.С. Полякова: описывая двускатные жилища ороков с двумя входами, характерными для эвенов Магаданской области и удэгейцев Приморского края, Л.И. Шренк ссылается на ту самую страницу (с. 81) в материале И.С. Полякова, на которой упоминалось и новое самоназвание ороков в форме «ульча». Последую-

щие исследователи, не зная, как объяснить феномен, что у одного народа имеется два самоназвания в формах *ольча* и *ульча*, решили, что И.С. Поляков у ороков ошибочно записал термин «ульча» вместо «ольча», поэтому эти слова стали объединяться знаком равенства или использоваться с пояснением «ульча (т.е. ольча)».

С утверждением советской власти на Дальнем Востоке возникла потребность конкретизировать названия дальневосточных этносов. Все народы Приморья и Приамурья получили официальное название, исходя из своих самоназваний. Получили свой этноним и мангуны Нижнего Амура, часть из которых сами себя называли именем *ольча*. А.Н. Липский, решив, что этнонимы *ольча* и *ульча* идентичны, категорично заявил, что термин *ульча* является новым написанием слова *ольчи* [2, с. XLIII]. Никто из этнографов А.Н. Липскому не возразил, и из этнографической литературы и этнонимии ороков Сахалина исчез термин *ольча*, а мангунам было навязано чужое самоназвание в форме *ульча* (*ульчи*).

В 1928 г. Б.А. Васильев у ороков выявляет этноним в написании и звучании «ульта», или «улта» [3, с. 5, 8]. В 1967 г. этот вариант этнонима отмечается в книге Т.И. Петровой в написании «ульта» («уйльта», «уйльта»). Этнонимы, заключенные в скобки, означают, что все они идентичные. Затем из этой триады этнонимов Т.И. Петрова без объяснений убирает этноним *уйльта*, выявленный В.К. Арсеньевым в 1916 г. у ольчей Нижнего Амура, и концентрирует свое внимание только на названиях *ульта* и *уйльта*, которые даются в книге через тильду – «ульта ~ уйльта» [4, с. 5–6], означающую, что эти слова эквивалентны, т.е. взаимозаменяемы.

Вышеприведенные примеры касающихся этнонимии ороков Сахалина говорят об определенном недопонимании самоназваний ороков этнографами конца XIX – второй половины XX вв. Почему в одном случае у ороков фиксируется самоназвание *ольча*, в другом – *ульча*, в третьем – *ульта*, и, наконец, почему исследователи остановились на этнониме *уйльта*? Именно на эти вопросы ответственный редактор рецензируемой книги должен был дать исчерпывающие ответы. В литературе на эту тему по орокам имеется монография и более 20 статей автора настоящей рецензии, но эти концептуальные работы почему-то не нашли отражения ни в истории изучения ороков, ни в тексте самой книги¹. Ответственный редактор книги не ответил и на главный вопрос: почему разные этнонимы, принадлежавшие одному народу, постсоветские исследователи стали сводить к одному названию – *уйльта*?

Рецензент считает, что в годы досоветского и советского периодов (вторая половина XIX в. – конец 1960-х гг.) отсутствовала теория этноса, объясняющая, что у каждого народа, кроме основного самоназвания, может быть несколько дополнительных – территориальных названий, принадлежавших этнографическим группам. Незнание теории этноса некоторыми этнографами советского, а затем и постсоветского периодов привело к тому, что все многочисленные созвучные этнонимы ороков Сахалина в напи-

¹ А.Ф. Старцев отказался принимать участие в написании книги из-за разногласий с ответственным редактором по проблемам этнонимии ороков и вопросам их этногенеза.

сании *уйльта*, *ульта* и *уйльта* объявили эквивалентными, заменяющими друг друга, и в научной литературе стал утверждаться этноним «*уйльта*».

Однако эту точку зрения российских постсоветских исследователей не стали разделять не только некоторые российские ороковеды, но и зарубежные ученые. Касаясь этнических названий ороков Сахалина, этнограф из Республики Молдова В.Д. Косарев, принявший участие в написании книги, ни одного раза не упомянул название ороков в написании *уйльта*, а использовал только нейтральное название в форме «ороки». Так вот, В.Д. Косарев об этнониме «*уйльта*» пишет так: «Чего мне не мог объяснить никто – это появление кажущегося лишним звука "й" в названии, происходящем от "уля/ула". История с этим этнонимом кажется подозрительной, и может статься так, что это не исконное имя ороков, а искусственно созданное или данное кем-то извне» [5, с. 19]. В свою очередь финляндский исследователь Ю. Янхунен особо подчеркивал, что самоназвание ороков в звучании «*уйлта* (русское *uil'ta* и японское *uiruta*)», <...> сегодня признано единственно правильным наименованием этой этнической группы» [6, с. 12], а польский этнограф А. Маевич в статье «Ороки в прошлом и настоящем», посвященной истории и культуре ороков Сахалина, писал, что «старый этноним "*орок*" (по-японски "*орокко*") постепенно вытесняется в Японии исторически подлинным названием народности – "*уйлта*"» [7, с. 28].

Рассуждая об использовании этнонимов *уйлта*, *ульта* и *уйльта*, исследователь тунгусо-маньчжурских языков филолог А.М. Певнов, ссылаясь на японского филолога Дз. Икэгами, особо подчеркивал: «Отмечу не очень удачную транскрипцию – в инлауте тунгусо-маньчжурских слов недопустимо сочетание трех согласных; на самом деле это не *уйлта*, а *уйлта*» [8, с. 887].

В слове *уйлта* латинская буква «j» относится к согласным [4, с. 13], поэтому вывод А.М. Певнова подтверждает факт, что в языке ороков слова в форме *уйлта* (*уйльта*), имеющего подряд три согласных буквы, не должно быть. Таким образом, русифицированный этноним *уйльта* в написании и звучании с буквой «й» и мягким знаком «ь» – это плод ошибочного восприятия российских, постсоветских исследователей, считающих этнонимы *уйлта* (*уйльта*) и *ульта* (*ульта*) разными звучаниями одного термина, закрепившегося в научной литературе в форме слова *уйльта*. Из вышесказанного следует, что термин «*уйльта*» не может быть эндоэтнонимом ороков Сахалина, как утверждает ответственный редактор книги В.В. Подмаскин.

В книге «История и культура уйльта (ороков) Сахалина ...» без каких-либо обоснований проводится идея, что этноним *уйльта* является первичным этнонимом ороков. Вслед за Т.И. Петровой из этнонимии ороков выбрасывается термин *уйлта* (*уйльта*). При этом делается ссылка на коллективную книгу, в которой использована статья В.В. Подмаскина, который утверждает: «Этимология наименования *ул'та ~ уйл'та* (как и *ульча*) неясна. Сами ороки его никак не поясняют и употребляют как неразложимый термин для обозначения своей народности» [1, с. 37].

К сожалению, в рецензируемой книге не обратили внимание на размышления Т.И. Петровой об этимологии этно-

нимов, о том, при каких условиях у ороков могли возникать этнические имена. Т.И. Петрова писала: «Если бы мы слово *ул'та ~ уйл'та* разложили предположительно на морфемы (основную *ул' ~ уйл'* и суффиксальную *-та*), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти» [4, с. 6]. Судя по всему, **под соответствующими живыми значениями с основой на *уль*, *уйль*** Т.И. Петрова подразумевала наличие географических названий, из которых могли возникнуть этнические имена ороков.

Размышление Т.И. Петровой о возможном появлении родовых имен из топонимов представляет собой блестящую догадку, которой воспользовались Л.И. Сем, Л.И. Миссонова, А. Маевич, В.В. Подмаскин и мн. др. Эти исследователи без привязки этнонимов к местности этническое название ороков *ульта ~ уйльта* стали связывать с нарицательным словом «*ули*» – «вода». Исследователь тунгусо-маньчжурских языков филолог Л.И. Сем первая подхватила идею использования термина *уйл'* для этимологизации этнонима *уйлта* (*уйльта*), отметив, что в основе этимологии этнических названий *ульта* и *ульчей* «лежит корень, связанный с понятием "вода": ... *уйлта*, *ульта* (от *уйл*, *ул* + *чан* = "речные люди, поречане")». При этом свой вывод Л.И. Сем подкрепляет эвенкийским термином *уйл*, *уул* («водоворот», «заводь») [9, с. 9]. Идеи Т.И. Петровой и Л.И. Сем об этимологии этнонимов ороков из эвенкийского термина *уйл* со значением водоворот были продолжены С.В. Соколовским, Л.И. Миссоновой, В.В. Подмаскиным и другими, которые этноним *ульта* (*уйльта*) стали связывать с понятием «поречанин».

На наш взгляд, этимологию орокского этнонима *уйлта* (*уйльта*) и *ульта* (*ульта*) **нельзя** выводить из эвенкийского слова «*уйл*», означающего понятие «водоворот», хотя бы по той причине, что у тунгусо-маньчжуров водоворот на реке являлся входом в мир мертвых, о чем относительно подробно и рассказывает Г.М. Василевич [10, с. 212]. Кроме этого, на каждой реке имеются сотни водоворотов, поэтому определить от какого водоворота произошли ороки не представляется возможным.

Рецензент считает, что основу этнических самоназваний ороков составили ойконим *Uil* (*Уил*) и гидроним *Ул*, – река, впадающая в Сахалинский залив, а не нарицательные слова «*уйл*, *уул*» в понятии «вода» и «водоворот». Л.Я. Штернберг писал, что *Uil* – это большая деревня на р. Амгуни, находящаяся на территории негидальцев, жители которой «... лет двадцать назад все вымерли» [11, с. 532, 548]. В этой деревне жили не только ольчи и ульчи, но и негидальцы, которые, как отмечал Ч.М. Таксами, с верховьев Амгуни переселились на Сахалин и вошли в состав ороков [12, с. 34–35].

Если ойконим *Uil* (*уйл*) объединить с суффиксом принадлежности *-та*, то мы получим термин *Uilta* (*уйлта*), что в переводе будет означать «жители селения *Уил*» [13, с. 126]. Вполне возможно, что этимология селения *Уил* (*Uil*) и самоназвание *уйлта* (*уйльта*) может связываться с орокским словом «*уи*» – «верхний», «верхняя сторона» [14, с. 246]. Исходя из этого, полный перевод этнонима *уйлта* (*уйльта*) будет означать «жители верховьев реки», или «верховские» [13, с. 128], а не поречане, как считают советские и постсоветские исследователи. Аналогичным образом от ги-

дронима Ул получили имя и ороки улта. На р. Ул, впадающей в Сахалинский залив Охотского моря, обитали, по мнению К.Я. Лукса, тывлинские тунгусы-эвены [15, с. 85], или так называемые оленные ульчи, которые, со слов В.К. Арсеньева, жили на Севере, дальше Николаевска-на-Амуре [16, с. 178], у них и образовался этноним улта [13, с. 126].

На с. 38 коллективной книги в середине текста Т.И. Петровой об образовании этнических названий из гидронимов [4, с. 6] включен такой материал: «На юге Сахалина отмечен гидроним Ул». Ссылка сделана на книгу Т.И. Петровой [1, с. 38]. Однако рецензенту не удалось обнаружить гидроним Ул на страницах книги Т.И. Петровой. Не дали положительных результатов и поиски этого названия на географических картах Сахалина. Материалы Интернета показали, что на Сахалине названия реки под названием Ул нет [17].

Говоря об этом гидрониме, рецензент еще до публикации книги «История и культура уйльта ...» писал, что этническую основу ороков, о которой упоминает Т.И. Петрова, следует искать не на Сахалине, а в Приамурье, где формировались этнографические группы ороков с их последующим переходом на Сахалин. «Из географических названий данной территории особое значение имеют гидроним Ул и ойконим Uil (Уил). Таких топонимов, кроме Приамурья, на Дальнем Востоке нет. Если соединить их с суффиксом -та, то мы получим два территориальных названия ороков: самоназвание в форме улта со значением «жители бассейна р. Ул» и этноним уилта (Uilta) – «жители селения Уил» [18, с. 168].

Ответственный редактор рецензируемой книги пишет: «В английском языке этот народ известен под названиями Uilta, Ulta, Orok» [1, с. 37]. Действительно, этноним ороков Сахалина во всех иностранных изданиях, опубликованных на английском языке, отмечается в написании Uilta. Однако термин «Uilta» не английское слово, а латинское. В 1931 г. советские лингвисты и этнографы создали для народов Севера письменность на основе латинского алфавита, а с 1937 г. письменность была переведена на основу русского алфавита. Ойконим Uil – название деревни, отмеченное Л.Я. Штернбергом, – писалось латинскими буквами. Поэтому написание этнонима Uilta в английской литературе и этнонима Uilta, написанным латинскими буквами, внешне ничем друг от друга не отличается. Однако произношение слова Uilta по-английски будет ближе к произношению уйльта (уйелтееа), а в латинском языке это слово как пишется, так и читается. Аналогичного мнения придерживается и зав. сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН д.и.н. Ю.П. Шабает: «Слово "Uilta", скорее, имя собственное, и соответственно оно не должно переводиться на русский язык, а сохраняет свое родное звучание – "Uilta" (Уилта)» [19, с. 176].

Часть недостатков связана с библиографией. Например, из более 500 названий использованной литературы, как отмечает сам ответственный редактор книги [1, с. 14], более сотни наименований из числа русскоязычных и англоязычных публикаций ни в тексте, ни в сносках не нашли отражения. Обычно в конце книги формируется авторский список использованной литературы. По требованиям из-

дательства «Дальнаука» этот список делается не только в алфавитном порядке, но и в хронологической последовательности, если у одного автора более двух публикаций. Однако в рецензируемой книге список использованной литературы и источников не соответствует понятию «хронологический порядок». Например, публикации Л.Я. Штернберга в разделе «Библиография» даны в следующей последовательности: 2009, 1904, 1933, 2001, 1925, 1908, 2001а. Аналогичная хронологическая чехарда распространена почти на всех авторов, у кого имеется более двух публикаций.

В книге использованы материалы архива ИИАЭ ДВО РАН (Ф.1. – Оп.2. – Д. 416), однако нигде нет отметки, что этот архивный материал принадлежит д.и.н. С.В. Березницкому, хотя относительно некоторых материалов других архивов указания на авторов и организации в тексте коллективной монографии имеются [1, с. 27–29]. Ответственный редактор и рецензенты обязаны были указать автору книги на эти недочеты, которые должны были быть исправлены. Но этого не произошло. Возникает вопрос, насколько внимательно рецензенты знакомились с рукописью книги и знакомились ли вообще. Основания для такого предположения имеются: известно, что один из рецензентов, не зная предмета исследования, поставил свою подпись под заранее подготовленным отзывом, за что и был наказан Институтом. Вероятно, свою роль сыграло и то, что рукопись этой книги обсуждалась не в отделе этнографии, а в филологическом отделе Института, который и рекомендовал работу к публикации.

Завершая просмотр коллективной книги, следует отметить, что в ней не получила разрешения основная проблема, связанная с происхождением этноса: кто такие ороки, откуда они пришли, где и когда формировались этнографические группы этноса? Видимо, на эти и другие вопросы дадут ответ уже исследователи нового поколения.

Литература

1. История и культура уйльта (ороков) Сахалина: Историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.). – Владивосток: Дальнаука, 2021. – 376 с.
2. Липский, А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура / А.Н. Липский // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского). – Хабаровск, 1925. – С. V–LI.
3. Васильев, Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. / Б.А. Васильев // Этнография. – 1929. – № 1. – С. 3–22.
4. Петрова, Т.И. Язык ороков (уйльта) / Т.И. Петрова. – Ленинград: Наука, 1967. – 156 с.
5. Косарев, В.Д. Ороки (уйльта) в этногенетике тунгусо-язычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными / В.Д. Косарев // Культурное население Дальнего Востока России Сахалинской области. Уйльта. Эвенки. – Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. обл. краевед. музей, 2009. – С. 17–32.
6. Янхунен, Ю. Об этнонимах ороки и урянхай (Uryangkhai) / Ю. Янхунен // Россия и АТР. – 2018. – № 4. – С. 11–24.

7. Маевич, А. Ороки в прошлом и настоящем. Перевод с английского В.В. Переславцева / А. Маевич // Краеведческий бюллетень. – 1994. – № 2. – С. 11–31.
8. Певнов, А.М. Этимология самоназваний ороков / А.М. Певнов // ACTA Linguistica PETROPOLITANA: Труды Института лингвистических исследований. Том XIII, часть 3. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – С. 886–892.
9. Сем, Ю.А. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь: этнографические исследования / Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Т.Ю. Сем // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – Т. 14. – 157 с.
10. Василевич, Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–XX в.) / Г.М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
11. Штернберг, Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л.Я. Штернберг. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
12. Таксами, Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана / отв. ред. Б.А. Вальская, Ю.В. Марентин. – Москва: Наука, 1968. – Вып. VI. – С. 29–42.
13. Старцев, А.Ф. Ороки – орочены, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина / А.Ф. Старцев. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 163 с.
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. – Ленинград: Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.
15. Лукс, К.Я. Туземное административное и кооперативное районирование низовьев Амура / К.Я. Лукс // Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). – Хабаровск; Благовещенск: Издательство Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. – С. 82–92.
16. Арсеньев, В.К. Жизнь и приключения в тайге / В.К. Арсеньев // Собр. соч. в 6 томах. 2-е доп. издание. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – Т. II. – С. 5–206.
17. Государственный водный реестр: река Ул textual.ru/gvr/index.php?card=2959...
18. Старцев, А.Ф. Нерешенные проблемы этнонимии ороков Сахалина в трудах российских и зарубежных исследователей / А.Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 165–178.
19. Старцев, А.Ф. История появления и функционирования этнонимов ороков Сахалина / А.Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 168–181.

*А.Ф. Старцев,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник отдела этнографии
и антропологии Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Коми пединститут: время инновационного развития. 1973–2014: сборник материалов и воспоминаний / гл. ред. В.Н. Исаков. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – 774 с.: ил.

Komi Pedagogical Institute: time of innovative development. 1973–2014. Collection of materials and memoirs / ch. ed. V.N. Isakov. Syktyvkar: Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2022. – 774 p.: ill.

Юбилей старейшего в Коми высшего учебного заведения (в 2022 г. Коми педагогическому институту (далее – КГПИ) исполнилось 90 лет), совпавший с юбилеем Сыктывкарского университета (далее – СГУ), который в 2022 г. отметил полвека работы, оживил интерес общественности к истории высшего образования в республике. В немалой степени этому способствовало и усилившееся внимание государства к проблеме патриотического воспитания, которое базируется на исторической памяти. Благодаря этому обстоятельству и в результате настойчивости сотрудников института и университета, за последние годы из печати вышел ряд изданий, посвященных истории КГПИ и СГУ им. П. Сорокина (сборник документов «Трудовые семестры студентов Коми пединститута» [1], «Летопись Коми государственного педагогического института (1932–2014)» [2], «Сыктывкарский государственный университет в воспоминаниях современников» [3], энциклопедия «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» [4] и др.). Но отрадно отметить, что внимание руководства университета к истории высшего образования в республике не ослабло. Свидетельство этого – появление нового сборника документов и материалов, посвященного истории развития КГПИ в 1973–2014 гг.

В рецензируемом издании представлен значительный материал по развитию Коми педагогического института на завершающем этапе его истории. Имеются как архивные документы (из Национального архива Республики Коми, бывшего партархива Коми обкома КПСС, архива Коми пединститута), так и газетные статьи, материалы из различных сборников документов, воспоминания. Большая их часть опубликована впервые. В книге освещены различные стороны жизни вуза: материалы по истории факультетов и кафедр, документы и воспоминания сотрудников и студентов пединститута и др.

В исторической части сборника приведено большое количество приказов и отчетов, свидетельствующих как о работе вуза в целом, так и по отдельным направлениям работы и факультетам. Эти материалы позволяют не только составить объективную картину о деятельности пединститута, но и проследить его развитие.

Весьма любопытны и приложения, которые содержат сведения о почетных работниках КГПИ, воспоминания преподавателей, сотрудников, выпускников института и краткие сведения об авторах. Особый интерес, на наш взгляд, представляют воспоминания, собранные сотрудниками му-